

¹⁴ Следует учесть, что приводимые здесь и выше «вилки» цифр отражают территориальное разнообразие мнений населения. Данные по всему массиву опрошенных более контрастны: вепсы — за обучение вепскому — 30%, «против» — 33%; русские — «за» — 13%, «против» — 55%.

© 1990 г.

С. А. Козлов

ПОПОЛНЕНИЕ ВОЛЬНЫХ КАЗАЧЬИХ СООБЩЕСТВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XVI—XVII вв.

Процесс активного формирования терско-гребенского казачества на Северном Кавказе прослеживается по письменным источникам со второй половины XVI в. С этого времени начинается и непрерывный рост вольных общин казаков, пополнение их многочисленными потоками беглых людей из разных уголков России. В ряды казачьей вольницы на Северном Кавказе вливаются участники крестьянских войн и выступлений, все недовольные крепостническими порядками. В казачьих городках находили убежище и северокавказские горцы, которые вынуждены были по различным причинам покинуть свои общества. Пополнение казачьих групп в регионе за счет постоянного притока новых поселенцев происходило прежде всего потому, что независимость вольных казаков от государства, их демократизм гарантировали каждому искавшему спасения от самодержавно-крепостнической власти право на свободу и возможность стать полноправным членом казачьей общины.

История формирования терско-гребенского казачества получила отражение в исторической литературе¹. Особый раздел посвятила этому вопросу Л. Б. Заседателева в работе «Терские казаки». Убедительный вывод автора о том, что первые казачьи сообщества на Тереке состояли из выходцев с Дона, с южных и юго-восточных окраин Русского государства, в какой-то мере разрешил продолжительные дебаты о рязанской или донской доминанте вольного казачества на Северном Кавказе². Но в недавней вышедшей монографии А. А. Шенникова «Червлёный Яр» рязанская версия получила дальнейшее развитие³. Все это свидетельствует о необходимости новых интенсивных исследований начальных этапов истории вольного казачества на Северном Кавказе и значительного расширения источниковедческой базы.

В данной статье предпринята попытка на основе изучения как уже опубликованных материалов, так и многочисленных новых документов, выявленных в Центральном государственном архиве древних актов (далее — ЦГАДА), рассмотреть основные источники пополнения вольного терско-гребенского казачества и динамику его роста в XVI—XVII вв.

Первые упоминания о вольных казаках на Северном Кавказе встречаются в документе 1563 г. Это жалоба ногайских мурз на вольных казаков с Волги, разграбивших их улусы. В ответе ногаям посол Ивана Грозного отмечал: «И государь наш тех казаков многих казнил, а иные от государя нашего опалы збежали в Азов и в Крым и в Черкасы»⁴. Е. Н. Кушева, опубликовавшая этот документ, сопоставляя его с другими, пришла к выводу, что речь в нем идет о «черкасах» (т. е. горских народах) Северного Кавказа, а не о жителях Поднепровья. Но считать терских или гребенских казаков выходцами с Волги, ветвью волжских казаков, переселившихся на Терек в XVI в., было бы неверно.

Во второй половине XVI в. Волга стала одной из самых оживленных торговых артерий. После присоединения Астрахани к Российскому государству в орбите его влияния оказалась «вся Волга и до моря», стали осваиваться ее лесистые берега, появляться казачьи городки. Численность вольных казаков на Волге росла быстро за счет беглого люда из разных мест. Так, в 1586 г. провожать в Астрахань крымского царевича Мурат-Гирея было направлено «волских атаманов 22 человека, а казаков с ними 869»⁵ В другом документе сообщалось о том, что «стоят на Волге многие казаки, тысячи с полторы и боле»⁶. Это была внушительная сила, которая доставляла немало беспокойств царской администрации. Казаки нападали на торговые суда, грабили «послов и гостей». Жаловались на набеги «воровских» казаков и ногайские мурзы, указывая, что «казачьи орды... отогнали у них многия стада» и даже устроили погром Сарайчика⁷.

В фондах ЦГАДА сохранилось немало документов, описывающих репрессивные меры царской администрации по отношению к казакам на Волге⁸.

Но зачастую русские послы, сообщая ногайским мурзам о том, что «казаков многих казнили», не забывали добавить: «...а которые не виновати и тех с Волги за што сводить»⁹. По заверениям царских представителей, Сарайчик погромили «беглые казаки», а «наши казаки не хаживали»¹⁰. Упоминается в посольских отписках и о «добрых казаках».

Безусловно, под «добрыми» и «нашими» казаками, как правило, подразумевались служилые казаки, которые начинают появляться на Волге. Однако анализ источников показывает, что нередко «нашими» оказывались и волжские вольные казаки¹¹. Так против кого же тогда направлялась царская немилость? Русские послы не раз отмечали, что «приходят на Волгу многие козаци з Днепра и из Дону и воруут и оприч волских козакон»¹². Волга становилась местом, куда стекались в поисках легкой добычи «воровские» казаки с Дона, Днепра, Яика и других мест. Против них и направлялись карательные экспедиции, хотя доставалось, конечно, и «коренным» волжским казакам. Спасаясь от репрессий, «многие люди» разбежались на окраины, в том числе на Терек.

В наказной памяти, данной в 1584 г. русскому послу Б. П. Благово в Турцию, отмечалось: «А ныне людей государевых на Терке нет, а живут на Терке воры беглые казаки без государева ведома. А сее весны государь наш писал в Астрахань к воеводам, чтоб сыскали накрепко тех всех казаков, которые Волгою приходят в Терку, и они б заказ крепкой учинили во всех протоках волжских, чтоб казаки в Терку не проходили»¹³. Таким образом, Волга стала важным транзитным путем при заселении терско-сунженского бассейна.

Отдельные группы казаков часто переходили с Дона на Волгу, с Волги на Яик и Терек и т. д. Разделение казачества по рекам было в значительной мере условно. Из-за большой подвижности, постоянных переездов, одни и те же казачьи отряды назывались в источниках то донскими, то волжскими, то терскими. В документе 1586 г., например, упоминается посланный воеводами из Москвы для сопровождения крымского царевича терский атаман Борис Татарин, «а с ним десят человек казаков». В другой посольской отписке этого же дела уже сообщалось о том, что «с царевичем Мурат Киреем... пошло волских атаманов с казаки Борис Татарин, а с ним девяносто пять человек, да Иванко Рязанец, а с ним пятьдесят человек»¹⁴. В дальнейшем документы сообщали о том, что на Волге действовал «воровской» атаман Борис Татарин, со 150 казаками и соединившимися с ним запорожцами. В 1588—1589 гг. они были разгромлены царскими ратными людьми¹⁵.

Во второй половине 80-х годов XVI в. на Волге была построена целая цепь царских городов-крепостей: Самара (1586 г.), Царицын (1588 г.), Саратов (1590 г.) и др. «Для тово, государь наш, Самару город велел поставить,— сообщали русские послы ногайским мурзам,— чтоб вам же было береженье от

воров, от волжских казаков». Правительство постоянно требовало от самарских воевод, чтобы они посылали на «воровских» казаков стрельцов и служилых казаков «с вогненным боем» и тех воров «побивати и имая вешать»¹⁶. «Ключом к Волге» стал Царицын, построенный у Переволоки, откуда проникали на волжские просторы вольные казаки. Отныне Волга для них была заперта.

Появление царских городов-крепостей на казачьих землях привело к тому, что вольные волжские казаки начали активно «превращаться» в служилых, «жилицких», включаясь в систему феодальной службы. Любые попытки казаков отстоять свои «вольности» беспощадно подавлялись. Те же, кто не желал подчиняться царской власти, устремились к своим собратьям на Яик и Терек. В 80—90-е годы XVI в. вольные казаки сообществом на Тереке основательно пополнились за счет беженцев с Волги. В посольских отписках конца XVI в. не раз сообщалось о волжских казаках, которые стали появляться на Тереке, причиняя немало хлопот царским властям¹⁷.

Периодически прибывавшие на Северный Кавказ ватажки с разных заповольных рек стали важным источником пополнения вольного терско-гребенского казачества и в XVII в.

Первые сведения о месте пребывания вольных казаков на Северном Кавказе встречаются в царской грамоте 1581 г., где указывалось, что «беглые казаки... живут на Терке на море», т. е. как в устье Терека, так и по его течению¹⁸. Других, более подробных сведений о расселении вольного казачества в документах XVI в. пока не встретилось. В источниках не прослеживается и деление на терских и гребенских казаков. Первоначально сообщалось только о «вольных терских казаках», «казаках с Терка», под которыми в документах подразумевались все казачьи сообщества, осваивавшие бассейн Терека и Сунжи. Само же образование терского и гребенского казачества представляется нам результатом дифференциации единого вольного казачества на Тереке. И поэтому неубедительно распространенное в исторической литературе мнение о том, что вначале появились гребенские казаки, обитавшие у склонов («на гребнях») Терского хребта или на правобережье Сунжи, а уж затем, к концу XVI в., в низовьях Терека осели ватажки собственно терских казаков. Вероятнее всего, подвижные, курсировавшие по всему терско-сунженскому бассейну казачьи сообщества почти параллельно осваивали как устье и низовья Терека, так и гребни Терского хребта и правобережье Сунжи. И продвигались казаки от терского устья все дальше за междуречье Терека и Сунжи, а не наоборот. О широком ареале расселения вольных казаков «с Терка» свидетельствуют различные письменные источники XVII в. В посольской отписке 1640 г. сообщалось о том, что «казаки живут по Терку и по Сунше и в иных местах по городку и на промыслах, на море и на реках и на камышех и на степях»¹⁹. Целая цепь казачьих станиц расположилась «по Терку от Царева Броду и до урочища Моздоку»²⁰.

К первой половине XVII в. уже сформировались основные группы вольного казачества и каждый из казаков относил себя к определенной ветви. Вместе с тем были еще сильны представления о единстве и целостности казачьей общности и возможности свободного перехода из одной группы в другую. Разные казачьи группы поддерживали прочные связи друг с другом, участвовали в совместных военных акциях. Обнаруженные нами в фондах ЦГАДА документы позволяют в какой-то мере проследить механизм взаимоотношений терско-гребенского казачества со своими собратьями «с разных рек».

Особый интерес в этой связи представляет документ 1628 г.— дело о сыске пограбленных вольными казаками на Тереке «пожитков» сестры крымского калги Шагин-Гирея. Анализ источника показывает, что в XVII в. уже сложилось определенное деление на «коренных гребенских казаков», «прямых терских казаков» и «людей схожих», т. е. прибывавших на Терек разных беглых сходцев и «воровских» казаков. Так, вольный казак Фролка Афанасьев «с товарищи... в распросе» показали, что «были де мы в те поры как их громили

люди схожие, а не коренные гребенские атаманы и казаки на том погроме...»²¹. О терских вольных казаках сообщалось, что «прямые казаки терские стояли в то время по вестям под городом Терки...» и в «пограблении» не участвовали. Расследование показало, что крымский отряд пограбили «волные казаки донские» и разные «схожие люди», среди которых упоминались стрельцы Терского города. Причем после погрома «иные внове учили быть казаки в гребенях» (т. е. поселились в городках и острожках русских вольных казаков на Тереке и притоках), большинство же «де збежали на Дон»²². Вольные казаки «с Терка» отрицали всякую причастность к погрому, обвиняя в этом «схожих людей» и прежде всего донских казаков, что не отражало реальной ситуации. В документе неоднократно упоминалось об участии в «пограблении» также и гребенских казаков. Но для нас важно другое: источник свидетельствует о том, что вольное терско-гребенское казачество охотно принимало в свои общины «воровских» казаков, в данном случае братьев с Дона, и давало приют разным беглым людям.

Вольные казаки с заплывных рек постоянно появлялись «по разным делам» на Северном Кавказе. Особенно же часто приходили на Терек отряды донских казаков, что было обусловлено прежде всего довольно близким расстоянием. В источнике 80-х годов XVII в., например, отмечалось «а з Дону де из Черкасского степю к гребенским казакон ходу бывает две недели, и донские казаки в гребни тою дорогою ездят безпрестанно человек по сту и менши»²³. В другом документе, посольской отписке 1682 г., уже указывалось, что казакам с Дону к гребенским станицам «степью, ходу будет 10 дней»²⁴. В среднем расстоянии от Дона до Терека преодолевалось казачьими отрядами за 10—14 дней, что позволяло донским казакам и их братьям с Терека поддерживать постоянные контакты, обмениваться информацией, помогать друг другу и, безусловно, пополнять свои общины.

Как правило, в документах XVII в. сообщалось лишь о грабежах и нападениях «воровских» казаков с Дона на торговые караваны и посольские отряды, а также о мерах, которые принимала царская администрация в борьбе с казачьими «погромами». Так, в отписке в Посольский приказ в 1629 г. указывалось, что, по сведениям гребенских атаманов и казаков, в их городки приходили «да лежат по перевозам и по дорогам з Дону казаков з двести человек»²⁵. В другой, более поздней отписке 1643 г. уже отмечалось, что «в верху по Терку и по Сунше реке воруют донские и запорозские воровские казаки на дорогах, кумыцких людей побивают и грабят»²⁶.

Донские казаки появлялись на Тереке не только отрядами, но и в одиночку. Об одном таком казаке, Ивашке Беспалом, рассказывается в отписке терских воевод 1633 г. Из документа следует, что он вместе с «гулящими» людьми Ивашкою и Кондрашкою приезжает в Терский город, где «в хоромах» (т. е. тайно) живет в Черкасской слободе. На Терек Ивашко Беспалой привел с собою «четыре лошади». Вскоре он со своими «друзьями» узнает, что в город прибывает купец из Персии с «ясырем и соболями». Они устраивают «на дороге» погром торгового каравана и затем со всем «животом» приходят «в гребени под городок к атаману Ивашке Сарафанникову». Расследование показало, что казачий атаман оказывал «ворам» помощь и содействие и даже присвоил себе часть добычи. Из гребенского городка донской казак Ивашко Беспалой уезжает вместе с «из Борогун узденка» и собирается ехать до Астрахани. К сожалению, документ не позволяет нам проследить его дальнейшую судьбу. В отписке сообщается только, что донской казак Ивашко Беспалой «пропал без вести»²⁷.

Сохранилось немало сведений и о прибытии на Северный Кавказ казаков-хохлачей, т. е. запорожцев²⁸. Приходили «на море» и на Терек за зипунами «воровские казаки» с Яика²⁹, хотя в документах и указывалось, что «от яицких казаков до гребенских... не блиско, потому что Яик от Астрахани в стороне, в степи»³⁰.

В целом анализ источников показывает, что вольные казаки «с разных рек» в XVII в. приходили на Терек, как правило, на непродолжительный период и лишь небольшие казачьи группы прочно оседали в терско-сунженском бассейне.

Не случайно о появлявшихся на Северном Кавказе различных отрядах казаков нередко сообщалось, что «те казаки разбрелись на Дон»³¹ и на другие «заполные речки». Небольшие отряды вольных казаков постоянно курсировали «по рекам» в поисках легкой добычи, не желая заниматься каким-либо хозяйством. Подобные казачьи ватажки появлялись и на Тереке. Так, терские воеводы сообщали, например, в 1647 г. в Москву, что к ним с повинной пришел небольшой отряд «морских казаков», которые уверяли, что они «в Гребени и на Куму и на Дон... никуда на заполные речки итти не хотят» и больше «воровство не похотели»³². К тому же терские и гребенские казаки не всегда принимали в свои городки казачьи ватажки и порой даже шли на обострение отношений. В 1649 г. терские «старые» казаки отказались идти с пришедшими с Дона донскими и запорожскими казаками на ногайский аул, который разместился на Тереке «меж казачьих городков на выходи»³³. В середине XVII в. пополнение казачьих сообществ на Тереке за счет собратьев с других рек уже не было достаточно эффективным. Отряды вольных казаков, постоянно прибывавшие на Северный Кавказ в терско-гребенские городки, как правило, уходили. Небольшие группы терских и гребенских казаков также периодически покидали свои городки и уходили «по рекам» и «на море». В документе 1628 г., например, отмечалось, что «многие гребенские казаки исторопясь збежали на Дон»³⁴. В другом источнике (отписке терских воевод в посольский приказ 1631 г.) сообщалось, что вольные казаки «с Терка... на государеву службу итти не хотят, а бредут розно на Куму реку и на Дон»³⁵.

В различных источниках 40—50-х годов XVII в. неоднократно указывалось, что терско-гребенские казаки из-за притеснений ногайских и кумыцких владельцев хотели «покинут юрты свои с Терка реки брести врознь и на Дон»³⁶, что свидетельствует прежде всего о прочных связях, которые поддерживали друг с другом казачьи группы. Отчасти это могло быть вызвано и тем, что небольшие отряды донских казаков, осевших в терских казачьих городках, когда «де стало жить от бусурманов невозможно», вспомнили о своих родных местах и изъявили желание возвратиться на Дон, призывая к этому и других вольных казаков.

Поэтому нельзя согласиться с утверждением Н. И. Никитина о том, что для гребенского казачества была характерна малая подвижность³⁷. Частые передвижения, а также тесные контакты и взаимопомощь были свойственны всем казачьим группам.

Казачьи сообщества на Тереке формировались и пополнялись как за счет своих собратьев с Днепра, Дона и Волги, так и «беглыми сходцами» из самых разных городов и сел России. В источниках XVII в. очень часто упоминается о том, что на Тереке «живут казаки воры, беглые люди». Вспомним и слова старожилов, приведенные в «Описании гребенских казаков XVIII в.», которое опубликовал М. О. Косвен. Они говорят о том, что «от отцов и дедов своих верно слышали что оные гребенские казаки по Терку начались от беглых российских людей и от разных мест пришельцев от давних годов»³⁸.

Появление на Тереке многочисленных потоков беглых людей из разных уголков России прежде всего было обусловлено внутривосточными факторами. Последствия опричнины, «Великий голод» начала XVII в. и следовавшие вскоре события Смутного времени привели к многочисленному оттоку населения из центра страны в казачьи общины на Дону и Волге, Яике и Тереке. По словам Авраамия Палицына, в результате голода 1601—1603 г. множество холопов бежало на окраины России³⁹. А. Ригельман считал, что казачьи сообщества на Тереке основательно «умножились» после разгрома в 1614 г. царскими войсками под Астраханью «воровских» отрядов Ивана Заруцкого, когда

его многочисленные сообщники «за Терком рекою в Гребнях, то есть, в горах и ущельях, с такими же воровскими гребенскими козаками поселились»⁴⁰. В документах XVII в. мы не встречаем прямых подтверждений этим сведениям. Вместе с тем в отписке терского воеводы 1614 г. отмечалось, что уцелевшие от разгрома «воровские люди» И. Заруцкого «пльвучи по Волге, приставали к берегу и струги свои метали... и уходили де в поле, и по камышам разбрелись»⁴¹, что не исключает возможности их появления на Тереке.

Приток «беглых сходцев» из России и «воровских казаков» усиливается на Тереке и в период крестьянской войны под предводительством Степана Разина. Так, по сообщениям астраханского воеводы в 1668 г. «пришли з Дону казаков конных 100 человек и стали от казачьих Гребенских городков в 50 верстах, а атаман де у них Алешка Протокин». Эти данные подтвердил и пастух Шадрина городка, указывая, что «есть де у них, гребенских казаков, человек с 5 донских казаков, а приехали де из войска. А всех де их, казаков, человек со 100 и стоят за казачьими городками в Калиновых Луках». Помимо этого, было еще 400 конных казаков на Куме «да з Дону ж де будет к ним вскоре Ашека Каторжной, а с ним конных же казаков 2000 человек». Вскоре на Куму пришло еще 400 казаков во главе с запорожцем Бобой, «а с Кумы де тем казаком итти будет на Терек к гребенским казаком»⁴².

Таким образом, между казачьими городками на Тереке и р. Кумой находилось около 3 тыс. пришлых казаков. По мнению Н. П. Гриценко, это нашествие пришлых казаков в Предкавказье было связано с каспийским походом Степана Разина⁴³. В дальнейшем отряды Разина на различных этапах крестьянской войны неоднократно прибывали на Терек, в терско-гребенских городках укрылись и остатки разинцев после их разгрома царскими войсками⁴⁴.

Новый мощный поток русских поселенцев на Северном Кавказе составили в конце XVII в. раскольники, искавшие спасение от царской власти. Они поселились в низовьях Кумы, куда дорожку проторили еще разинцы, построили «свой земляной городок», в котором было «всякое ружье и пушки для осадного сиденья». Население городка за счет постоянного притока казаков, беглых крестьян и раскольников быстро увеличивалось. Зерно городку присылали кабардинские владетели, с которыми поддерживались дружественные отношения. «Кумские беглецы» сразу же вступили в контакты с терскими и гребенскими казаками. В документах отмечалось, что «хотели те воры итти зимовать в Гребени, в казачьи городки», где они могли рассчитывать на поддержку и помощь. Не случайно терские воеводы сообщали «де есть и из их братья (терских и гребенских казаков.— С. К.) такие расколники и к ним пристают от них втай»⁴⁵. Войсковой атаман гребенских казаков И. Кукля предложил беглецам-раскольникам переселиться на Терек, в казачьи городки, и даже подарил им железную пушку. Царская администрация с тревогой следила за ходом событий на Тереке, прекрасно понимая, что если «те воры с Кумы реки в Гребни уйдут и тогда от них воровство явится, а взять их в тех местах будет невозможно»⁴⁶. Отдельные группы последних разинцев и раскольников вплоть до конца XVII в. продолжали прибывать на Северный Кавказ.

Население терских и гребенских станиц росло и за счет служилых людей Терского города, убежавших к казакам по разным причинам. Одни уходили в казачьи городки из-за тяжелого продовольственного положения в Терках. Воеводы неоднократно сообщали в Москву, что «на Терке... ратных людей мало, и те все конечно бедны, наги и босы и голодны, помирают голодною смертью, а иные от голоду и от нужи бредут розно»⁴⁷. Другие вступали в конфликт с царской администрацией и бежали к вольным казакам на Терек в надежде найти спасение от самодержавного произвола. В посольских отписках неоднократно отмечалось, что в терско-гребенские городки приходили «беглые стрельцы и гулящие всякие люди, которым в государеве отчине в Терском городе повитися нелзе»⁴⁸.

В документах XVII в. сохранились некоторые сведения о беглых терских

стрельцах. Так, в отписке 1633 г. упоминается стрелец Васильева Приказа Кондрашка Иванов, который бежал «с Терка» и жил вместе с другими «гулящими людьми» на речке Куме⁴⁹. В Гребенском казачьем городке был пойман казанский стрелец Савелий Матвеев, находившийся на годовой службе в Терском городе. «В распросе» он показал, что бежал из Терков «от морового поветрия... и жил в казаках». За побег он был сурово наказан («бит на козле кнудом»⁵⁰). Но репрессивные меры, предпринимаемые царской администрацией, не смогли приостановить побег терских служилых людей в вольные казачьи городки, куда они уходили как в одиночку, так и целыми группами⁵¹.

Находили приют и убежище в казачьих городках на Тереке и бывшие «полоняники». Некоторые северокавказские владетели в XVI—XVII вв. вели бойкую торговлю «живым» товаром на невольничьих рынках Анапы, Эндери, Дербента и др. Пленные, захватываемые ими во время военных акций, служили и основным источником формирования самой бесправной категории населения — рабов. Среди них было немало выходцев из России, которые попадали на Северный Кавказ в результате как перепродаж на «рабских» рынках, так и захватов в плен русских людей во время локальных военных действий в регионе.

В различных документах XVII в. неоднократно сообщалось о русских пленных, бежавших в казачьи городки. Особый интерес представляет отписка терских воевод 1629 г. В ней приводятся некоторые данные о русских пленниках, бежавших на Терек от кумыцких владетелей. Один из них, Гаврилко Русинов, «русской человек... служил в деревне под Москвою... и тому де лет з двадцат взяли его... казыевские татарова невелика с матерью», у которых он пробыл год. Затем был продан горским черкасам, а от них уже попал «в Кумыки, в Андреевы деревни». Другой русский пленный «Магометка... колуженин, пахотново человека сын, а русково имяни не помнит». В плен его взяли «осми лет»⁵². Приведем документ середины XVII в., в котором сообщается о том, как брагунский полоняник бежал в казачий Сарафанников городок и крестился в православную веру. Крестил его терский воскресенский поп Козьма, «а имя ему во крещенье дано Сенка Козьмин», и он «жил крещен в казачьих городках»⁵³. Попадали на Терек и русские пленники из Турции и Ирана. В отписке терских воевод 1633 г. упоминается «белорусец» Степанко Карпов. А был он «в полону турском да у Кизылбашех и с полону вышел тому з год а жил в казачих городках, переходя кормился»⁵⁴. В другом документе, отписке донского атамана 1668 г., рассказывалось о терском казаке Андрее Антонове, пришедшем на Дон из плена «ис Терской земли». Он просил на кругу «все войско донское», чтобы его отпустили в Астрахань, откуда он, вероятно, собирался возвратиться в свой казачий городок на Тереке. Просьба терского казака была «уважена», о чем сообщил донской атаман Корнила Яковлев астраханским воеводам⁵⁵. Непрерывно появлявшиеся в казачьих городках русские пленники стали надежным источником пополнения сообществ вольных казаков на Тереке.

Активное участие в формировании вольного казачества на Тереке приняли выходцы из северокавказских народов. Терско-гребенские казачьи общины значительно пополнились за счет притока беглецов-горцев, в силу разных причин покинувших свои общества. К вольным казакам уходили те, кого ожидали у себя на Родине наказание за всевозможные проступки или кровная месть. Северокавказские владетели неоднократно жаловались царскому правительству на то, что их «холопы и рабы» бегают от них и «живут на Терке и в казачьих городках»⁵⁶. Так, в начале 30-х годов XVII в. посол шамхала Илдара Томулдук в поданной им челобитной писал о том, что купленный им у кабардинского мурзы «черкашенин... збежал от него и... пришел на Терек в казачьи городки и жил у казаков, от Томолдука таясь»⁵⁷. Обычно поиск беглецов результата не давал, и терские воеводы лишь констатировали тот факт, что «де ушол

к казакам»⁵⁸. Беглецы-горцы, как правило, «крестились в православную христианскую веру», тем самым получая покровительство и защиту со стороны царской администрации, которая предписывала терским воеводам «крещены... не отдавати»⁵⁹. В документах такие казаки нazyвались новокрещенные. Так, в 1668 г. кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский писал в Терский город о том, что «приезжал к нему в аулы ис казачья Курдюкова городка казак новокрещен Федька Фомин» с разными вестями⁶⁰. К сожалению, источники XVII в. не позволяют нам определить удельный вес среди вольных казаков на Тереке выходцев из северокавказских народов. Вместе с тем в документах нередко упоминаются казаки явно нерусского происхождения: Байтерек и Евлаш из Курдюковой станицы; Бормата, Остай, Тагайпс, Илях из Потапова городка; атаман казачий Ивашко Сунгуров и др.⁶¹. В документе 1589 г. говорится, например, о вольном терском казаке Шолохе⁶².

Определить численность первых казачьих сообществ на Тереке нелегко в силу неустойчивости и постоянных миграций казачьих ватажек. Владелец одного из вайнахских обществ Ших-Мурза Окоцкий писал в 1588 г. русскому царю, что с ним вместе служили государю 500 терских атаманов и казаков⁶³. Турецкий паша Осман уверял, что в 1583 г. на него на Тереке напали 1000 казаков⁶⁴. По другим сведениям, под турецкую крепость Темрюк приходило 600 терских казаков⁶⁵. В отписках воевод с Терека указывалось, что для сопровождения посольств направлялось до 100 вольных терских казаков⁶⁶. Тенденция к росту казачьих общин на Тереке в 80—90-е годы XVI в. вполне объяснима, так как именно в эти годы усиливается приток с Волги различных казачьих отрядов, и в первую очередь волжских казаков, подвергшихся суровым репрессиям со стороны царских войск.

В XVII в. динамика численности населения вольных казачьих сообществ на Тереке остается по-прежнему неустойчивой. Заметное увеличение общин казаков в начале века сменяется во второй его половине спадом и уменьшением числа терско-гребенских городков. В конце столетия вновь намечается относительная стабилизация и даже определенный количественный рост казачьих групп.

Большинство документов первой половины XVII в. определяет численность вольных казаков на Тереке в 500 человек⁶⁷. Например, в посольской отписке 1631 г. отмечалось, что было дано «государева жалованья» 30 атаманам и 470 рядовым терским и гребенским казакам⁶⁸. В среднем в казачьих городках проживало по 30 человек. Из росписи, составленной терским стрелецким головой Сергеем Протопоповым, следовало, что в «казачьем Оскин-городке» живет 30, в Ищерском — 25, в Шевелев-городке — 20 и в Нижнечерленом городке — 33 человека⁶⁹. В данном случае имеется в виду мужское боеспособное население.

В 40—50-е годы XVII в. обстановка на Северном Кавказе резко обострилась, усилились и набеги ногайских мурз и ряда дагестанских владетелей на казачьи городки. Вольные казаки постоянно жаловались терским воеводам на то, что «по Терку реке в гребенях жить стало невозможно», так как в результате набегов погромили многие городки и взяли большой полон и жители, «пометав прежние свои городки з женишками и з детишками розбрелись врознь по иным городкам»⁷⁰. В документах нередко сообщалось о том, что тот или иной казачий городок «отныне пустой»⁷¹. Лишь к концу XVII в. вольным казакам на Тереке удается восполнить потери за счет мощного притока беглых людей из центральных районов России и с Дона.

Итак, анализ документов XVI—XVII вв. свидетельствует о том, что русское казачество на Тереке формировалось из различных компонентов (этнических, региональных, социальных и т. д.). Основу же составляли недовольные элементы, которые не уживались в обществе. И было бы неверным искать доминанту в происхождении терского и гребенского казачества. Ядро вольного казачества на Северном Кавказе составили «беглые сходцы из России» и казачьи отряды

с «разных рек». Находили приют и убежище в казачьих городках и убежавшие от произвола местных феодалов северокавказские горцы. Вольные казаки на Тереке принимали в свои общины всех, кто искал свободу и независимость от самодержавной власти.

Примечания

- ¹ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М., 1963; Виноградов В. Б., Магомедова Т. С. О месте первоначального расселения гребенских казаков // Сов. этнография. 1972. № 3; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. М., 1974; Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI — начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М., 1974. С. 178—203, и др.; Денискин В. И. Появление и расселение казачества на Тереке в освещении дореволюционной и советской историографии // Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Обществ. науки. 1975. № 3;
- ² Заседателева Л. Б. Указ. раб. С. 181.
- ³ Шенников А. А. Червлёный Яр. Л., 1987. С. 68—71.
- ⁴ Кушева Е. Н. О местах первоначального расселения гребенских казаков // Историческая география России XVIII века. М., 1981. Ч. 2. С. 40.
- ⁵ ЦГАДА. Ф. Ногайские дела. 1586 г. Д. 13. Л. 31.
- ⁶ Там же. Ф. Грузинские дела. 1596 г. Д. 1. Л. 106.
- ⁷ Там же. Ф. Ногайские дела. Кн. 8. Л. 9; Кн. 10. Л. 140 об. и др.
- ⁸ Там же. Кн. 5. Л. 65 об; Кн. 6. Л. 27, 145 об; Кн. 7. Л. 83 об.— 84 и др.
- ⁹ Там же. Кн. 6. Л. 27; Кн. 9. Л. 267 об., 268.
- ¹⁰ Там же. Кн. 10. Л. 247 об.
- ¹¹ Там же. Кн. 9. Л. 267 об.— 268, 330—331 и др.
- ¹² Там же. Кн. 10. Л. 120, 163 об.— 164.
- ¹³ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. / Сост. Демидова Н. Ф., Кушева Е. Н., Персов А. М. Т. 1. М., 1957. С. 36.
- ¹⁴ ЦГАДА. Ф. Ногайские дела. 1586 г. Д. 10. Л. 26, 85, 61.
- ¹⁵ Акты исторические (далее АИ). Т. 1. СПб., 1841. С. 445—446.
- ¹⁶ ЦГАДА. Ф. Ногайские дела. 1586. Т. 10. Л. 24, 96.
- ¹⁷ Там же. Ф. Крымские дела. Кн. 16. Л. 63 об.; Ф. Турецкие дела. Кн. 2. Л. 471; Кн. 3. Л. 148 об.— 149 и др.
- ¹⁸ Там же. Ф. Ногайские дела. Кн. 10. Л. 247 об.
- ¹⁹ Там же. 1640 г. Д. 1. Л. 168—169.
- ²⁰ Там же. 1649 г. Д. 1. Л. 77.
- ²¹ Там же. Ф. Крымские дела. 1628 г. Д. 5. Л. 8, 10, 12—13, 16, 26, 53—59.
- ²² Там же. Л. 59.
- ²³ Материалы по истории русско-грузинских отношений. Т. 1. Тбилиси, 1974. С. 85.
- ²⁴ ЦГАДА. Ф. Грузинские дела. 1682 г. Д. 2. Л. 19—20.
- ²⁵ Там же. Ф. Ногайские дела. 1629 г. Д. 1. Л. 335—336.
- ²⁶ Там же. Ф. Кабардинские дела. 1643 г. Д. 1. Л. 307—308.
- ²⁷ Там же. 1633 г. Д. 1. Л. 130—132, 143—147.
- ²⁸ Там же. Ф. Кумыкские и Тарковские дела. 1651 г. Д. 1. Л. 56—57; Ф. Ногайские дела. 1649 г. Д. 1. Л. 226—228 и др.
- ²⁹ Там же. Ф. Кумыкские и Тарковские дела. 1649 г. Д. 1. Л. 14.
- ³⁰ Материалы по истории русско-грузинских отношений. С. 85.
- ³¹ ЦГАДА. Ф. Кумыкские и Тарковские дела. 1651 г. Д. 1. Л. 57.
- ³² Там же. Ф. Кабардинские дела. 1647 г. Д. 1. Л. 72—73.
- ³³ Там же. Ф. Ногайские дела. 1649 г. Д. 1. Л. 226—228.
- ³⁴ Там же. Ф. Крымские дела. 1628 г. Д. 5. Л. 59.
- ³⁵ Там же. Ф. Ногайские дела. 1631 г. Д. 1. Л. 106.
- ³⁶ Там же. Ф. Кабардинские дела. 1647 г. Д. 1. Л. 62; Архив Ленингр. отд. Ин-та истории АН СССР (далее — ЛОИИ). Ф. Астраханская приказная палата. Оп. 1. № 2229. Л. 7—8.
- ³⁷ Никитин Н. И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века // История СССР. 1986. № 4. С. 170.
- ³⁸ ИА. 1958. № 5. С. 181.
- ³⁹ Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 107—108.
- ⁴⁰ Ригельман А. История, или повествование о донских козаках. М., 1846. С. 139.
- ⁴¹ АИ. Т. 3. СПб., 1841. С. 18.
- ⁴² Крестьянская война под предводительством Степана Разина // Сб. документов. Т. 1. М., 1954. С. 111, 120, 141.
- ⁴³ Гриценко Н. А. Народные движения XVII—XVIII вв. и терское казачество // Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Обществ. науки. 1973. № 3. С. 13.
- ⁴⁴ Крестьянская война... Т. 1. С. 145, 244; Т. 2. Ч. 1. М., 1957. С. 32, 191.
- ⁴⁵ Дополнения к актам историческим. Т. 12. СПб., 1872. С. 241—242.
- ⁴⁶ Там же. С. 271, 242. АИ. Т. 5. СПб., 1842. С. 371.
- ⁴⁷ Кабардино-русские отношения... С. 94.

- ⁴⁸ ЦГАДА. Ф. Ногайские дела. 1627 г. Д. 1. Ч. 2. Л. 413.
- ⁴⁹ Там же. Ф. Кабардинские дела. 1633 г. Д. 1. Л. 129.
- ⁵⁰ Архив ЛОИИ. Ф. Астраханская приказная палата. № 12373. Л. 1.
- ⁵¹ ЦГАДА. Ф. Крымские дела. 1628 г. Д. 5. Л. 59.
- ⁵² Там же Ф. Ногайские дела 1629 г. Д. 1. Л. 71, 72.
- ⁵³ Там же. Ф. Кабардинские дела. 1646. Д. 1. Л. 217.
- ⁵⁴ Там же. 1633 г. Д. 1. Л. 130.
- ⁵⁵ Архив ЛОИИ. Ф. Астраханская приказная палата. № 5465. Л. 1.
- ⁵⁶ ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1643 г. Д. 1. Л. 300.
- ⁵⁷ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 110.
- ⁵⁸ ЦГАДА. Ф. Приказные дела старых лет. 1628. г. Д. 35. Л. 71.
- ⁵⁹ Русско-дагестанские отношения... С. 116.
- ⁶⁰ Крестьянская война... Т. 1. С. 111.
- ⁶¹ ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1644 г. Д. 5. Л. 517; 1646 г. Д. 2. Л. 1, 8; Ф. Кумыкские и Тарковские дела. 1654 г. Л. 66—69.
- ⁶² Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578—1613 гг. М., 1889. С. 141.
- ⁶³ Там же. С. 63—64.
- ⁶⁴ Кабардино-русские отношения... С. 38, 40.
- ⁶⁵ ЦГАДА. Ф. Турецкие дела. Оп. 1. Кн. 3. Л. 111.
- ⁶⁶ Белокуров С. А. Указ. раб. С. 119 и др.
- ⁶⁷ Кабардино-русские отношения... С. 113—114, 123.
- ⁶⁸ ЦГАДА. Ф. Ногайские дела. 1631 г. Д. 1. Л. 107.
- ⁶⁹ Кабардино-русские отношения... С. 302—303.
- ⁷⁰ Архив ЛОИИ. Ф. Астраханская приказная палата. № 2241. Л. 1—2.
- ⁷¹ ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1647 г. Д. 1. Л. 72—73.

© 1990 г.

Т. Туен

КУЛЬТУРНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬ У КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА: НЕКОТОРЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Я берусь исследовать значение этнических интересов в районах Севера в некотором смысле неохотно. Дело в том, что конфликты могут возникать не только в связи с использованием новой технологии и новых способов эксплуатации природных ресурсов, но их могут стимулировать и результаты исследований по подобной тематике. Такие опасения особенно реальны, когда научные программы касаются материалов, имеющих особое значение для самоидентификации тех или иных народов. К тому же совершенно очевидно, что за два последних десятилетия значительно возрос уровень научной компетентности северных народов Аляски, Канады, Скандинавии и Гренландии. Они способны теперь говорить от своего имени при решении вопросов об определении приоритетности и организации тех или иных научных исследований.

Именно поэтому сегодня особенно важно, чтобы научно-исследовательскую политику в субарктической зоне определяли сами народы этого региона. Однако точка зрения «извне» также представляется полезной потому, что аборигенные народы находятся по своему статусу в положении меньшинств и обладают лишь ограниченным доступом (если вообще обладают) к тем правительственным или другим институтам, где принимаются решения, влияющие на будущее. Поскольку они не всегда могут защитить себя от внешних посягательств или дать направление исследованиям и другим мероприятиям в соответствии с их собственными представлениями о приоритетах, не следует пока считать, что только они способны оценивать этническую значимость запланиро-